

Деятельность МККК во время Второй мировой войны

Летом 1996 г. в прессе появились сообщения, ставящие под сомнение деятельность некоторых делегатов МККК в годы Второй мировой войны. МККК посчитал необходимым тщательно разобраться в событиях тех лет. Содержащиеся в упомянутых сообщениях обвинения основываются на данных, собранных сотрудниками Бюро стратегических служб (БСС) США. Суть обвинений сводится к тому, что поведение некоторых делегатов было несовместимо с гуманитарным мандатом МККК.

В результате углубленного исследования, проводившегося МККК в собственном архиве, а также в Федеральном архиве Швейцарии, учреждение может сегодня с уверенностью заявить, что из 49 лиц, чьи имена упоминаются в документах БСС, только 18 работали в МККК. Из них лишь трое, судя по всему, действительно совершили уголовно наказуемые деяния. Один из них занимался хищением денежных средств с использованием служебного положения, двое других были изобличены в шпионской деятельности, поводом к которой послужила, скорее всего, жажда наживы. Но только в первом случае предполагаемые проступки были совершены тогда, когда обвиняемое лицо состояло на работе в МККК; после проведения внутреннего расследования дело закончилось увольнением по собственному желанию этого лица из учреждения. Что касается двух других лиц, то действия, в которых они обвиняются, были совершены ими до их поступления на работу в МККК или после их увольнения. Все остальные обвинения проистекают из очевидной неосведомленности в вопросах, связанных с учреждением, его полномочиями и методами работы.

На основании результатов исследования можно с уверенностью заключить, что во время Второй мировой войны гуманитарному идеалу изменили лишь очень немногие.

В настоящем номере «Журнала» публикуется обновленный вариант отчета Франсуа Бюньона с поправками и уточнениями, внесенными на основе последних данных, собранных МККК в рамках проводимого им исследования¹.

¹ См. первый вариант этого отчета в МЖКК, № 12, сентябрь—октябрь 1996, с. 53–58.

Нацистские агенты в Международном Комитете Красного Креста?

(Исправленный и дополненный вариант)

Франсуа Бюньон

Летом 1996 г. в прессе были опубликованы большие выдержки из документов американских секретных служб (Бюро стратегических служб (БСС), предшественник ЦРУ), ставящих под сомнение деятельность некоторых делегатов МККК в годы Второй мировой войны.

Обвинения предъявляются по двум пунктам:

- защита немецкого имущества и операции с имуществом, изъятым у жертв нацистских преследований;
- шпионаж и даже проникновение в ряды МККК агентов нацистской Германии.

МККК отнесся к этим обвинениям со всей серьезностью и немедленно приступил к расследованию в целях проверки их обоснованности.

Исследование проводилось в архиве МККК и в архивах Швейцарской Конфедерации (с использованием архивных фондов Федерального политического департамента (именуемого в настоящее время Федеральным департаментом иностранных дел) и материалов прокуратуры Конфедерации).

Были также предприняты шаги, чтобы получить доступ к материалам органов военной юстиции Франции, имеющим отношение к бывшим делегатам МККК.

Несмотря на то что МККК не успел изучить все имеющиеся в наличии материалы и прийти к каким-либо окончательным выводам, представляется возможным внести некоторые уточнения в документ, выпущенный МККК 15 сентября 1996 г. и опубликованный в «Международном журнале Красного Креста» (№ 12, сентябрь—октябрь 1996, с. 53–58).

I. Защита немецкого имущества и операции с имуществом, изъятым у жертв нацистских преследований

На основе документов из американских источников и данных, собранных в ходе исследования, проводившегося в архиве МККК и в федеральных архивах, было установлено, что один из делегатов МККК по имени Джузеппе Джованни Беретта привлекался турецкой полицией к участию в деле о незаконных операциях.

Джузеппе Д. Беретта, гражданин Швейцарии, уроженец города Лугано, родился 27 октября 1900 г. В 1922 г. он эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, а в 1938 г. вернулся через Мексику в Швейцарию. В настоящий момент мы

не располагаем данными, которые позволили бы составить представление об этом периоде его жизни. В документах прокуратуры Швейцарской Конфедерации он упоминается как коммерсант.

9 июня 1938 г. Беретта прибыл в Цюрих, где прожил до 28 апреля 1942 г. В течение этого периода он оказался замешан в двух делах. Первое имело место в 1941 г. и было связано с одним нотариусом из кантона Тичино. Год спустя в Цюрихе его привлекли к участию в деле о поддельных аффидевитах.

В связи со вторым делом Беретта был задержан и находился под стражей с 27 февраля по 18 марта 1942 г. Возбужденное против него уголовное преследование было впоследствии прекращено.

Несмотря на эти события, о которых МККК не имел, разумеется, ни малейшего представления, 10 февраля 1943 г. Беретта поступил на работу в МККК. Никаких данных относительно обстоятельств приема Беретты на работу в его личном деле не содержится. Согласно заявлению делегата МККК Раймонда Курвуазье, сделанному уже после увольнения Беретты, последний пользовался *«протекцией одного друга»*.

В контракте, заключенном между МККК и Береттой, говорилось, в частности, что *«г-н Джузеппе Беретта обязуется:*

а) точно выполнять распоряжения, которые даны или будут даны ему Международным Комитетом Красного Креста;

б) [...] строго соблюдать принцип нейтральности в своих высказываниях и в своих действиях: воздерживаться от любых проявлений политического или конфессионального характера, а также от любой коммерческой деятельности и постоянно помнить о том, что он выступает в качестве представителя Международного Комитета Красного Креста».

15 февраля 1943 г. Беретта выезжает из Женевы в Измир (Турция) и, следуя маршрутом, который проходит через Будапешт, Бухарест, Софию, Стамбул и Анкару, добирается до места назначения 15 марта 1943 г. В Измир он командирован с заданием организовать снабжение продовольствием населения греческих островов в Эгейском море, где свирепствует страшный голод. Он занимает должность заместителя делегата МККК в Анкаре — в то время им был Раймонд Курвуазье.

В августе 1943 г. его переводят в Стамбул, где он отвечает за транзитные перевозки грузов помощи для интернированных в Индии итальянских военнопленных.

12 июля 1944 г., получив известие о кончине матери, Беретта выезжает в Швейцарию, куда прибывает 15 июля. 16 августа 1944 г. вместе с Раймондом Курвуазье он вновь покидает Швейцарию. По дороге они вынуждены задержаться на 5–6 недель в Бухаресте вследствие того, что город занят Красной армией. В конце сентября 1944 г. Беретта добирается до Стамбула и приступает к выполнению своих обязанностей. Беретта оказывает помощь не только итальянским военнопленным в Индии, но и гражданам Германии, интернированным в Турции после разрыва отношений между этими двумя странами.

В письме от 12 декабря 1944 г., адресованном швейцарскому посланнику в Анкаре Этьену Ларди, профессор Герберт Мельциг, апатрид немецкого происхождения, работающий преподавателем в Стамбульском университете, сообщает о преступных действиях двух швейцарских граждан — Джузеппе Беретты и Рихарда Гросса. По словам автора письма, они помогли гражданину рейха Максу Вилли Гецу, проживающему в Турции по венгерскому паспорту и являющемуся в действительности агентом гестапо, перевезти из Венгрии в Турцию золото и валюту. Золото было помещено в сейф, снятый на имя Беретты в филиале Дойче Ориент Банка в Галате (Стамбул). Впоследствии Гец был выслан из Турции в Сирию. Профессор Мельциг сообщает о своем намерении заявить об этой незаконной деятельности турецким властям.

Этьен Ларди получает письмо профессора Мельцига 18 декабря 1944 г. В секретной телеграмме от 22 декабря, адресованной Федеральному политическому департаменту, Ларди кратко излагает сообщение Мельцига о деятельности Беретты и добавляет, что, по сведениям, только что переданным ему «*другим источником*», в июне 1944 г. Беретта ввез в Швейцарию миллион лей (румынская денежная единица) и продал их через одного из своих родственников Международному Комитету Красного Креста; возвращаясь в Турцию, он якобы собирался взять с собой значительное количество золота, полученного им в одном из швейцарских банков, но в последний момент, под давлением третьего лица, отказался от этого намерения; кроме того, он отправил из Стамбула в Румынию чемодан с этикетками МККК, в котором находилось золото. Посланник Ларди просит Федеральный политический департамент сообщить все, им изложенное, МККК и рекомендовать последнему отозвать Беретту в Швейцарию, если немедленная проверка полностью или частично подтвердит эти факты. Он также просит Политический департамент вскрывать в Берне корреспонденцию МККК, отправляемую через дипломатическую миссию, поскольку канцелярией миссии эта корреспонденция не проверяется.

В письме от 28 декабря 1944 г., переданном председателю Комиссии делегаций МККК Фредерику Сиорде, Федеральный политический департамент сообщает МККК о содержании телеграммы посланника Ларди.

4 января 1945 г. МККК просит Беретту немедленно вернуться в Швейцарию: «*Просим срочно прибыть в Женеву для отчета — точка — сообщите дату отъезда и маршрут*».

Ответа не последовало, и 10 января МККК направляет своему делегату повторное обращение.

В телеграмме от 14 января Беретта сообщает о своем намерении выехать 23 января из Анкары в Каир.

Однако осуществить это намерение ему помешала турецкая полиция. Показания Беретты о последовавших за этим событиях отличаются от информации, полученной из других источников. Как бы там ни было, в пятницу 19 января 1945 г. или, возможно, в другой январский день турецкая полиция производит обыск в квартире Беретты.

В результате обыска Беретта передает полиции 710 золотых монет, хранящихся в сейфе, снятом на его имя в Дойче Ориент Банке.

В субботу 20 января арестовывают гражданина Швейцарии Рихарда Гросса и нескольких служащих Дойче Ориент Банка.

В пятницу 26 января, получив разрешение покинуть Турцию, Беретта возвращается в Анкару. На следующий день он вылетает в Каир и оттуда направляется в Швейцарию, куда прибывает 9 февраля 1945 г.

На заседании с участием Фредерика Сиорде и Анри Фоконне, директора Управления делегаций, до сведения Беретты доводятся факты о поступках, которые вменяются ему в вину. 13 февраля 1945 г. Беретта пишет письмо с заявлением об увольнении по собственному желанию из МККК, настаивая вместе с тем на своей невинности и требуя разобраться в этом деле. Стиль письма позволяет предположить, что Беретта действует по собственной инициативе, когда *«просит Международный Комитет Красного Креста освободить его от занимаемой должности делегата»*.

Тем не менее в письмах от 13 и 15 марта 1945 г., адресованных министру Вальтеру Штукки, начальнику отдела иностранных дел Федерального политического департамента, Беретта жалуется на то, что он был уволен по инициативе МККК. Такая же формулировка используется МККК в других документах. Можно, таким образом, заключить, что Беретту вынудили подать заявление об уходе с работы.

Впрочем, еще 24 января Жан Пикте, исполняющий обязанности директора МККК, сообщил Эдуарду де Халлеру, делегату Федерального совета по вопросам международной взаимопомощи, о том, что Беретта вскоре приедет в Женеву и будет освобожден от занимаемой должности *«вне зависимости от результатов проводимого расследования. Комитет предпочитает отказаться от его услуг, в том числе и по причине событий, имевших место еще во время его пребывания в Швейцарии»*.

Отсюда следует, что МККК стало известно о прошлом Беретты. Более того, 2 февраля федеральная полиция по делам иностранцев объявляет розыск Беретты, и как только Беретта возвращается в Швейцарию, его телефон ставится на прослушивание.

Несмотря на увольнение Беретты, 14 февраля в МККК с ним проводится собеседование, в котором принимают участие Фредерик Сиорде, Анри Фоконне, Гектор Бахманн, директор финансового отдела МККК и Теодор Шмидлин, сотрудник юридического отдела Федерального политического департамента.

В ходе собеседования Беретта признает факт хранения в банке 710 золотых монет, однако, по его словам, эти монеты он принял на хранение только потому, что хотел оказать услугу своему венгерскому другу, проживающему в Турции журналисту Вилли Гецу-Вильмосу, который опасался объявления войны между Турцией и Венгрией и последующей конфискации имущества. Он заявляет также, что источник поступления этих денег нельзя считать нелегальным, что он по собственной воле передал их полиции, получив от нее расписку, что никакого производства по данному делу с применением каких-либо следственных

действий — например, обыска или очной ставки — возбуждено не было. Кроме того, он добавляет, что в Турции торговля золотом является свободной.

Между тем Беретта категорически отвергает другие предъявленные ему обвинения и заявляет, что стал жертвой попытки шантажа со стороны профессора Мельцига. По поводу предполагаемого перевода миллиона лей Гектор Бахманн сообщает, что в бухгалтерских документах не имеется ни одного указания на осуществление этой денежной операции.

Протокол собеседования был подписан всеми участниками, которые обязались не предавать это дело огласке.

На следующий день, а именно, 15 февраля Фредерик Сиорде сообщает в письме Эдуарду де Халлеру о результатах собеседования и в заключение отмечает: *«Доводы г-на Б. по поводу предъявленных ему обвинений звучат правдоподобно и зафиксированы в письменной форме. Таким образом, пока не будет получена более полная информация, мы должны относиться к ним с доверием»*. Тем не менее Фредерик Сиорде, руководимый стремлением установить факты, просит Федеральный политический департамент поручить посланнику Ларди расследование в целях уточнения следующих деталей:

1. Свободно ли функционировал рынок золота в Турции во время рассматриваемых событий?
2. Проводился ли обыск в квартире Беретты?
3. Был ли составлен протокол встречи, в ходе которой Беретта передал полиции помещенные им на хранение в банк золотые монеты?

В телеграмме от 20 февраля 1945 г. Федеральный политический департамент просит посланника Ларди провести это расследование.

В письме от 22 февраля 1945 г. Фредерик Сиорде подтверждает Беретте, что МККК готов удовлетворить его просьбу об увольнении, принимает к сведению тот факт, что бывший делегат категорически отвергает предъявленные ему обвинения, но при этом подчеркивает, что, приняв золото на хранение, Беретта поступил в высшей степени неосмотрительно, и что это его действие можно даже рассматривать как служебный проступок.

26 февраля консул Швейцарии в Стамбуле Иоганн Мартиг, в сопровождении атташе швейцарской дипломатической миссии Даниэля Анри Ганебина, встречается для беседы с генеральным директором сыскной полиции в Стамбуле Демиром Беем. Последний подтверждает факт проведения обыска в квартире Беретты и сообщает о том, что расследование велось по следующим пунктам обвинения:

- 1) контрабанда валюты;
- 2) вывоз валюты;
- 3) шпионаж.

Демир Бей считает, что *«Беретта — главарь банды»*, и обещает информировать швейцарское консульство о результатах расследования.

Между тем в письме от 12 марта 1945 г. (см. приложение 1) советник турецкой дипломатической миссии в Берне Г. К. Комакц сообщает МККК о том, что Беретта и ряд других лиц, среди которых имеются турки, а также ино-

странные граждане, *«подозреваются в деятельности, нарушающей предписания закона об охране турецкой валюты, а также во ввозе некоторых товаров без их предъявления на таможне»*. Об обвинении в шпионаже в письме ничего не говорится.

В двух пространных письмах (от 13 и 15 марта 1945 г.), адресованных начальнику отдела иностранных дел Федерального политического департамента министру Вальтеру Штукки, Беретта жалуется на обстоятельства, которые сопутствовали его увольнению администрацией МККК после того, как он подвергся *«допросу со стороны г-на Шмидлина из ФПД в присутствии гг. Сиорде, Фоконне и Бахманна из МККК»*. В этих двух письмах Беретта жалуется также на то, что его оклеветали, и обвиняет в этом не только Раймонда Курвуазье, но и нескольких сотрудников швейцарской дипломатической миссии в Анкаре.

В своем письме от 23 марта 1945 г. бригадный полковник Роже Массон, начальник разведслужбы швейцарской армии, выступает в защиту Беретты и просит МККК отнестись к его делу с *«благосклонным пониманием»*.

Рихарда Гросса освобождают 3 мая 1945 г.

8 мая Иоганн Мартиг и Даниэль Ганебин еще раз встречаются для беседы с Демиром Беем, который на этот раз сообщает, что пункты обвинения в отношении Гросса и Беретты *«ограничиваются в настоящий момент незаконными валютными операциями и контрабандой; эти правонарушения вменяются в вину как Гроссу; так и Беретте»*. Швейцарский консул добавляет: *«На мой вопрос, обнаружила ли полиция доказательства того, что упомянутые лица занимались шпионской деятельностью, г-н Демир Бей ответил отрицательно — расследование, проведенное в этом направлении, никаких результатов не дало»*.

В письме от 4 июня 1945 г. посланник Ларди высказывается по поводу обвинений, предъявленных Береттой ему и его сотрудникам.

3 июля 1945 г., по возвращении в Швейцарию, Раймонд Курвуазье узнает о том, что в связи с прекращением военных действий в Европе МККК *«вынужден расстаться с некоторыми из своих сотрудников»*, и что он, Раймонд Курвуазье, относится к их числу. Однако после беседы с генеральным секретарем Жаном Дюшозалем ему предлагают пост заместителя делегата при французской армии в Германии. Считая, что это предложение не соответствует ни его опыту, ни его заслугам перед учреждением, 17 августа 1945 г. он увольняется по собственному желанию из МККК.

30 августа 1945 г. Раймонд Курвуазье передает МККК памятную записку, в которой обстоятельно излагает историю дела и выступает с такими же, как и ранее, обвинениями против Беретты. В этой записке снова, только с большими подробностями, говорится о поступках, вменяемых в вину Беретте *«другим источником»*, на который ссылается посланник Ларди в своей телеграмме от 22 декабря 1944 г. Содержание записки наводит на мысль о том, что двумя информаторами посланника были, с одной стороны, профессор Мельциг, а с другой — коллега Беретты Раймонд Курвуазье.

13 октября 1947 г. в рамках уголовного иска, предъявленного Димитру Николайдису, Риху (*sic*) Гроссу, Хиристо Евангелу и Истефану Иванко Евангелу,

судья Кемаль Билгин выносит решение «по пункту обвинения о нарушении положений закона об охране турецкой валюты». Рихард Гросс и Хиристо Евангело приговариваются к трем месяцам лишения свободы с учетом срока, проведенного ими в предварительном заключении и составившего три месяца без одного дня, а также к штрафу в размере 1000 турецких фунтов. Двое других подсудимых признаются невиновными. Против Беретты, имя которого упоминается всего лишь раз, причем в сильно искаженном виде (Дретта), при ссылке на лицо, получившее от Билли Гюца (*sic*) денежный перевод на сумму 3000 долларов, никаких обвинений не выдвигается.

Насколько нам известно, Беретта не привлекался в качестве обвиняемого и не был осужден в связи с этими событиями ни в Швейцарии, ни в Турции. Кроме того, ни в документах МККК, ни в архивных материалах прокуратуры Конфедерации ни о каком осуждении в рамках этого дела не говорится.

Джузеппе Беретта скончался 11 октября 1956 г. в Виганелле (Швейцария).

*

Хотя некоторые подробности этого весьма прискорбного дела пока остаются невыясненными, уже сейчас можно сделать следующие выводы.

1. Имеющиеся сведения указывают на то, что подоплекой этого дела являются корыстные интересы и что в своих действиях Беретта руководствовался прежде всего стремлением к наживе. Несмотря на отношения, которые он поддерживал с Вилли Гецем, нет оснований считать, что Беретта был немецким агентом или симпатизировал нацистской Германии.

2. В исследованных документах не содержится ни одного намека на то, что у Беретты были сообщники в МККК. Его знакомые, чьи имена постоянно встречаются в этих документах, никакого отношения к МККК не имели, и заявление Раймонда Курвуазье, согласно которому Беретта был принят на работу благодаря «протекции одного друга», не может служить основанием для каких-либо заключений, так как Курвуазье нигде не упоминает имени этого друга, который к тому же в МККК, возможно, никогда не работал. Кроме того, свое заявление Курвуазье сделал уже после увольнения Беретты из учреждения.

3. К настоящему времени в ходе исследования не было обнаружено ни одного доказательства того, что Беретта злоупотреблял почтой МККК для перевода в Швейцарию денег или ценностей. Исследование, проведенное директором финансового отдела МККК Гектором Бахманном с целью отыскать следы миллиона лей, которые якобы были проданы МККК, никаких результатов не дало. То же самое можно сказать и о недавнем исследовании, проведенном в этом направлении. Что касается 710 золотых монет, то они были обнаружены в январе 1945 г. в Стамбуле; следует, однако, напомнить, что эти монеты были переданы Беретте в мае 1944 г., и что летом того же года Беретта приезжал в Швейцарию в связи с кончиной своей матери.

4. В документах, хранящихся в архиве МККК и в федеральных архивах, не содержится никакого указания на источник поступления 710 золотых мо-

нет, которые были переданы Беретте. В соответствии с опубликованной в одной из стамбульских газет статьей («*Yeni Sabah*» от 14 февраля 1945 г.), эти монеты были добыты путем грабежа в концентрационных лагерях в Австрии и Венгрии, что не исключено, хотя к настоящему времени в ходе исследования не было обнаружено ни одного документа, подтверждающего это предположение.

5. Вмешательство полковника Массона наводит на мысль: не работал ли Беретта на разведслужбу швейцарской армии? В настоящее время мы не располагаем сведениями, способными подтвердить такую версию. Тем не менее представляется маловероятным, чтобы Беретта был сотрудником швейцарской разведслужбы, так как в подобном случае элементарная осторожность не позволила бы полковнику Массону выступить с ходатайством в письменной форме и тем самым предать огласке имя одного из своих агентов.

6. И наконец, нельзя не отметить, что число обвинений, выдвинутых против Беретты и других причастных к этому делу лиц, постепенно сократилось. Так, например, очень быстро было снято обвинение в шпионаже. В самом факте хранения золотых монет состав преступления отсутствовал, поскольку торговля золотом была в Турции свободной. В конечном итоге наличие состава преступления было признано по единственному пункту обвинения: нарушение предписаний об охране турецкой валюты, иными словами — обмен валюты на «черном» рынке. В ходе судебного разбирательства двое из четырех обвиняемых были оправданы, а двое других приговорены к трехмесячному лишению свободы, которое покрывалось сроком, отбытым ими в предварительном заключении. Как заметил посланник Швейцарии в Турции, дело «*кончилось ничем*».

II. Обвинения в шпионаже

А. В других документах Бюро стратегических служб (БСС) ставится под сомнение деятельность делегатов МККК, базировавшихся в Северной Африке, а также в Неаполе и Марселе.

Обвинения основываются главным образом на признаниях Жан-Роже Пагана, гражданина Швейцарии, арестованного французской военной службой безопасности в Алжире 14 октября 1943 г. в момент совершения им акта шпионажа в пользу немецкой разведки.

С марта 1941 г. по март 1942 г. Паган работал в МККК в качестве сотрудника Колониальной службы Центрального агентства по делам военнопленных, занимавшейся корреспонденцией содержащихся в плену уроженцев французских колоний. В феврале 1942 г. он уходит с работы по собственному желанию. В заявлении об увольнении он сообщает о своем скором отъезде в Марокко и добавляет следующее: «*В будущем дела заставят меня возвращаться в Швейцарию, и я готов оказывать услуги в качестве корреспондента Агентства по делам военнопленных при отделениях Французского Красного Креста в Марокко, Алжире и Тунисе*». МККК отказывается от этого предложения. В августе 1942 г.

Паган снова предлагает МККК свои услуги, на этот раз в качестве представителя учреждения в Дакаре, куда, по его словам, он едет заниматься коммерческой деятельностью. Его предложение вновь отклоняется.

В ходе допроса, состоявшегося сразу после ареста, Паган доносит на Жоржа Граца, технического директора Центрального агентства по делам военнопленных, с которым он учился в одном классе и который находится в настоящий момент в командировке в Алжире. В ночь с 14 на 15 октября 1943 г. Граца арестовывают в номере гостиницы «Алетти», где он проживает. Во время обыска сотрудники военной службы безопасности забирают принадлежащие ему бумаги.

На Жоржа Граца, находившегося в Северной Африке с апреля 1943 г., были возложены следующие обязанности: общая организация деятельности делегаций МККК в Северной Африке (Алжир, Марокко, Тунис); передача МККК сведений о военнопленных и интернированных гражданских лицах, удерживаемых французскими и англо-американскими властями; содействие обмену посланиями между гражданскими лицами в Северной Африке и во французской метрополии, а в более широком плане — усовершенствование морской и воздушной почтовой связи между Европой и Африкой; репатриация тяжелораненых.

Напомним, что французские власти удерживали тогда 55 тысяч военнопленных (17 тысяч немцев и 38 тысяч итальянцев), а англо-американские — 210 тысяч (111 тысяч немцев и 99 тысяч итальянцев).

В трудных условиях посещая многочисленные лагеря (каждый раз приходилось проезжать по каменистым дорогам от двух до трех тысяч километров), Жорж Грац загрузил себя работой настолько, что в конце концов подорвал здоровье. Вынужденный по причине болезни продлить свое пребывание в Алжире на несколько недель, он случайно встречается там со своим школьным товарищем Паганом. Паган навещает его почти каждый день и оказывает ему мелкие услуги — так, например, он вызвался перепечатать на пишущей машинке несколько документов.

Жоржа Граца задерживают для проведения допросов до 18 октября 1943 г. и затем освобождают. 25 октября 1943 г., после очередной очной ставки с Паганом, Грац покидает Алжир.

Среди документов, изъятых в номере Граца сотрудниками военной службы безопасности, была копия доклада, составленного делегатом по собственной инициативе и содержавшего его личные впечатления о положении в Марокко, Алжире и Тунисе. Этот доклад, в котором говорилось о зависимости властей Свободной Франции от их англо-американских союзников, был, по всей видимости, воспринят как отягчающее обстоятельство.

МККК, уверенный в абсолютной преданности своего делегата, отреагировал на арест последнего официальной нотой от 3 февраля 1944 г., адресованной французским властям в Алжире. Ответ на нее, датируемый 29 апреля 1944 г., был составлен комиссаром по иностранным делам Французского комитета национального освобождения послом Массигли. Отметив, что важность функций, возложенных на компетентные службы, не позволила им в ходе расследо-

вания оставить без внимания тесные личные отношения, которые г-н Грац подерживал с обвиняемым [Жан-Роже Паганом] в тот период, когда последний занимался преступной деятельностью, посол в своем ответе продолжает:

«Тем не менее эти службы воздержались от каких-либо выводов относительно виновности г-на Граца, о нем свидетельствует тот факт, что по моей просьбе они разрешили ему очень быстро покинуть территорию французской части Северной Африки, где его дальнейшее пребывание приобрело бы весьма щекотливый характер по причине отношений, которые он поддерживал с обвиняемым Икс.

Они хотели тем самым подчеркнуть — и в этом подведомственное мне Управление полностью разделяет их точку зрения, — что не подвергают никакому сомнению деятельность г-на Граца как представителя Международного Комитета Красного Креста. Считаю необходимым еще раз, официально, подтвердить нашу точку зрения по этому вопросу».

В конечном итоге никаких обвинений Ж. Грацу предъявлено не было, и к судебной ответственности он не привлекался, что подтверждается в письме старшего секретаря, заведующего Центральным хранилищем архивов военной юстиции в городе Ле Блан от 7 ноября 1996 г. (см. приложение 2). Делегата МККК можно все же упрекнуть в том, что, будучи больным и прикованным к постели, он проявил неосторожность, принимая у себя школьного товарища, сомневаться в котором у него, однако, не было никаких оснований.

В документах БСС — а содержащиеся в них данные опровергаются письмом от 7 ноября 1996 г., полученным из Центрального хранилища архивов французской военной юстиции, — говорится о том, что среди сотрудников МККК, чья деятельность вызывала подозрение, Паган упомянул Висс-Дюнана, Субле и некоего Паша. Согласно этим документам, Паган был завербован в Швейцарии г-ном фон Энгельбрехтеном, консулом по вопросам деятельности Красного Креста при генеральном консульстве Германии в Женеве, а также неким фон унд цур Мюленом из немецкой дипломатической миссии в Берне. Задача Пагана, за выполнение которой он якобы получил от 10 до 20 тысяч швейцарских франков, состояла в передаче сведений экономического и военного характера о союзниках, находившихся на французской территории Северной и Западной Африки.

Что касается д-ра Эдуарда Висс-Дюнана, делегата, работавшего в Алжире, МККК не обнаружил ни одного факта, позволяющего предположить, что он занимался шпионской деятельностью или обвинялся в этом.

Жан Субле, работавший в МККК на добровольной основе и находившийся с октября 1943 г. в Танжере, отвечал за доставку корреспонденции делегаций МККК в Испании, Португалии и Северной Африке, а также занимался тем, что пытался ускорить доставку посылок, предназначенных, с одной стороны, для французских военнопленных в Германии, с другой — для немецких военнопленных в Северной Африке.

В 1942 г. он якобы передал сотрудникам немецкого консульства в Танжере информацию об одном французском военнопленном из Германии, приговорен-

ном военным трибуналом в Марокко к смертной казни за действия в пользу Германии. Благодаря этой информации француз избежал наказания и смог продолжать деятельность, направленную против собственной страны. Принимая Ж. Субле на работу, МККК, разумеется, ничего не знал об этом: в то время Субле работал архитектором в Танжере, а также занимался импортом и экспортом. МККК отказался от услуг Субле в конце ноября 1944 г., как только узнал о вменяемых ему в вину проступках. Хотя Субле эти факты не отрицал, он признался лишь в том, что по неосторожности разгласил конфиденциальную информацию.

В 1945 г. союзники внесли имя Ж. Субле в свои «черные списки», но год спустя, в рамках общей амнистии, вычеркнули его.

Из документов БСС следует, что некий Паш еще в бытность Пагана сотрудником МККК связал последнего с г-ном фон Энгельбрехтеном. О ком именно идет речь, пока не выяснено. Действительно, в то время в МККК работало несколько лиц по фамилии Паш — либо в качестве штатных сотрудников, либо на добровольной основе. Никто из них, однако, не занимал ответственной должности в учреждении, все они были мелкими служащими.

Наконец, Максимилиан фон Энгельбрехтен, работавший консулом по вопросам деятельности Красного Креста в генеральном консульстве Германии, был не сотрудником МККК, а должностным лицом, через которое МККК поддерживал связь с консульством.

Что касается Жан-Роже Пагана, то в сентябре 1944 г. решением военного трибунала в Алжире он был приговорен к смертной казни и 2 декабря того же года казнен.

МККК не располагает сведениями о том, что в связи с этим делом какие-либо меры были применены и к другим делегатам, чьи имена упоминаются в документах БСС, нет также оснований утверждать, что кто-либо из этих лиц был хоть как-то причастен к шпионской деятельности.

Б. Автор меморандума БСС от 4 февраля 1944 г. ставит также под сомнение деятельность делегата МККК в Марселе Франсуа Эренхольда. Вот что он пишет по этому поводу:

«Another person in the Red Cross whose activities are dubious is EHRENHOLD, the Swiss German chief of the IRC in Marseilles /.../. According to certain Portuguese reports, however, he makes a practice of interviewing members of the crews of ships which put in at Marseilles and securing naval information through them. It is reported on what we believe to be reliable authority that a certain GUILLENNE CONCALVES COSTA CURTO, chief officer of the Portuguese SS AMBRIZ, transmits information to EHRENHOLD in cigarettes which he takes on shore whenever the ship is in port at Marseilles and that EHRENHOLD and other Germans ask for CURTO whenever the ship calls there»¹.

¹ «Другим сотрудником Красного Креста, чья деятельность вызывает подозрение, является ЭРЕНХОЛЬД из немецкой части Швейцарии, занимающий пост главы делегации МКК в Марселе [...]. Согласно некоторым португальским докладам, он регулярно беседует с членами экипажей судов, прибывающих в марсельский порт, и получает от них имеющую отношение к судам информацию. В соответствии с сообщениями, на которые, на наш взгляд, можно полностью положиться, некий

Необходимо в связи с этим отметить, что Франсуа Эренхольд заведовал Службой судов, плававших под флагом Красного Креста и использовавшихся для перевозки грузов (грузы помощи и корреспонденция), которые предназначались для военнопленных. Эта должность предусматривала, в частности, следующие функции: наблюдение за погрузкой с целью удостовериться в том, что суда используются исключительно для осуществления операций Международного Красного Креста; распределение грузов по различным судам; получение и отправка грузов; составление планов маршрутов (о которых необходимо было сообщать заинтересованным воюющим сторонам) и передача необходимых инструкций судовладельцам и их представителям, особенно в отношении отличительных знаков, графика и маршрута; обсуждение с местными властями формальностей относительно перевозок; поддержание контактов с конвоирами, отвечающими за грузы на море и в портах захода.

В течение 1943 г. — а именно этот период рассматривается в документах БСС в связи с обвинениями — 103 судна из Филадельфии, Буэнос-Айреса и Лиссабона прибыли в Марсель, доставив туда 110 тысяч тонн гуманитарной помощи, которая в 9 400 вагонах была переправлена делегацией МККК в Швейцарию и распределена впоследствии в различных лагерях для военнопленных.

Пароход «Амбриц», упоминаемый в документах БСС, был одним из судов, курсировавших по маршруту Лиссабон — Марсель. 5 мая 1944 г. он совершил свой 50-й рейс под флагом МККК.

Таким образом, обязанности Франсуа Эренхольда заключались в том, чтобы поддерживать контакты с экипажами судов, в частности со старшими помощниками капитанов, и обмениваться с ними информацией — прежде всего, по вопросам безопасности, имевшим первостепенное значение.

В. Согласно документам БСС, другой делегат попал под подозрение потому, что приехал в Каир, когда там проходила важная дипломатическая конференция:

«At the time WYSS DUNANT summoned Bon and Kuhne to Algiers, he announced he was sending DUCHOSAL to Cairo. It would not appear that Cairo is an important base for IRC activities, but it is significant that DUCHOSAL was sent there at a time that coincided exactly with the Cairo Conference [...]»¹.

Причина приезда Жана Дюшозаля в Каир хорошо известна: он собирался встретиться там с одним советским дипломатом с целью восстановить контакт с правительством СССР. Более того, зная об этой цели, посол Соединенных Штатов Америки в Алжире предоставил в распоряжение Дюшозаля самолет, с тем чтобы делегат смог прибыть в этот город.

ГИЛЛЕН КОНКАЛЬВЕС КОСТА КУРТО, старший помощник капитана португальского парохода «АМБРИЦ», передаст сведения ЭРЕНХОЛЬДУ в сигаретах, которые он выносит на берег каждый раз по прибытии судна в марсельский порт, и, как только судно причаливает, ЭРЕНХОЛЬД и другие немцы начинают искать КУРТО».

¹ «Одновременно с вызовом Бона и Куне в Алжир ВИСС ДЮНАН сообщил о том, что направляет ДЮШОЗАЛЯ в Каир. И хотя, судя по всему, Каир не является важной базой для деятельности МКК, необходимо было почему-то отправить туда ДЮШОЗАЛЯ именно в тот момент, когда там проходила Каирская конференция».

Наконец, если МККК и прибегал иногда к услугам американской дипломатической почты, то не для того, чтобы избежать цензуры, на что намекают авторы документов БСС, а для того, чтобы предотвратить нерегулярность и задержки в обмене корреспонденцией, по причине которых Центральное агентство по делам военнопленных сталкивалось с многочисленными трудностями. Сами удерживающие государства были заинтересованы в том, чтобы полученные сведения как можно скорее поступали в Женеву, а оттуда — в страны происхождения военнопленных, и чтобы на основе принципа взаимности обмен информацией между сторонами осуществлялся с одинаковой быстротой.

Г. Автор меморандума БСС от 4 февраля 1944 г. путает д-ра Поля Буркхарда, врача, который был делегатом в Неаполе, с профессором Карлом Буркхардтом, известным историком и дипломатом, бывшим верховным комиссаром Лиги Наций в Данциге, членом МККК и председателем Смешанной комиссии Международного Красного Креста по оказанию помощи. Вне всякого сомнения, именно эта путаница и заставила автора меморандума прийти к заключению о проникновении нацистских агентов в ряды «*Международного Красного Креста*», вплоть до руководящих органов учреждения, что только свидетельствует о его весьма поверхностном знакомстве с МККК.

Д. Автор меморандума обвиняет делегатов МККК и, в частности, д-ра Поля Буркхарда, работавшего делегатом в Неаполе, в том, что они передали сведения о пароходе «Канада»:

«Late in December, the IRC headquarters in Geneva cabled IRC in Algiers details of an elaborate communication system for the Red Cross between North Africa and Southern Italy. A Dr BURKHARD was designated as correspondent, and later as co-delegate of IRC for Southern Italy. KUHNE was told to get in touch with him. They were to work in prisoners' camps in Southern Italy. All of this would seem to be legitimate Red Cross activity. In addition, however, the cables set forth plans for an elaborate system of communications and details for the use of a ship, the S. S. CANADA, in terms scarcely necessary, it would appear, for ordinary, or even extraordinary Red Cross use. Inasmuch as KUHNE is already suspect, because of his associates, one inevitably questions the innocence of the plans. Since the date of the first cables, others, of a similar sort, further elaborating the details, have passed»¹. («Enemy Agents and the International Red Cross»², меморандум от 4 февраля 1944 г., без указания имени автора, страница 3).

¹ «В конце декабря из штаб-квартиры МКК в Женеве в представительство МКК в Алжире были отправлены телеграммы, в которых содержались подробности относительно тщательно разработанной системы связи Красного Креста между отделениями в Северной Африке и в Южной Италии. Корреспондентом был назначен некий д-р БУРКХАРД, ставший впоследствии помощником делегата МКК по Южной Италии. Связаться с ним поручили г-ну КУНЕ. Они должны были работать в лагерях для военнопленных в Южной Италии. Все это выглядело как вполне законная деятельность Красного Креста. В телеграммах, однако, подробнейшим образом сообщалось о планах использования тщательно разработанной системы связи и парохода «КАНАДА», в чем, казалось бы, не было никакой необходимости при использовании Красным Крестом этого судна в обычных или даже особых целях. Поскольку г-н КУНЕ можно считать подозреваемым в силу самого факта его связей с определенными лицами, неизбежно возникает сомнение относительно невинности этих планов. За первыми телеграммами последовали другие, подобного же содержания, в которых разрабатывались дальнейшие подробности».

² «Вражеские агенты и Международный Красный Крест».

В действительности дело обстояло следующим образом: Французский комитет национального освобождения в Алжире в своем письме от 24 декабря 1943 г. просил МККК уведомить правительство рейха и итальянское командование об использовании парохода «Канада» в качестве госпитального судна и сообщил обо всех его характеристиках в соответствии с положениями X Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. (см. приложение 3). Позже, 25 ноября 1944 г., французское правительство вновь обратилось к МККК с просьбой направить еще одно уведомление относительно того же судна (см. приложение 4).

Е. Автор доклада от 21 февраля 1944 г. обвиняет также делегата Рене Дешеврена, работавшего в Тунисе, в сообщении посредством телеграммы имен и местонахождения двух представителей («доверенных лиц») немецких военнопленных — старшего капрала Фрица Винкельманна и старшего капрала Карла Клингеманна. В документе, в частности, говорится:

«The fact that a German prisoner of war is a trustee in a prison camp seems to be of no possible use for the Red Cross, but distinctly of interest to the German Army»¹. (Доклад от 21 февраля 1944 г., страница 6).

Как показала проверка, капралы Винкельманн и Клингеманн были доверенными лицами немецких военнопленных по смыслу статьи 43 Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. МККК имел обыкновение упоминать в своих докладах имена доверенных лиц военнопленных, поскольку сведения такого рода не носили конфиденциального характера.

Кроме того, на протяжении всей войны МККК передавал сведения относительно личности и местонахождения миллионов военнопленных как странам их происхождения, так и их родственникам, причем касалось это не только немецких и итальянских военнопленных, но и польских, французских, бельгийских, голландских, норвежских, югославских, греческих, британских, американских и др. Не знать об этом в 1944 г. можно было разве что в случае крайне слабой осведомленности о положении дел.

Ж. Другие обвинения в адрес делегатов МККК основываются главным образом на слухах. Так, например, некоторых делегатов отнесли к категории подозреваемых лишь на том основании, что в гостинице «Алетти» в Алжире они проживали в одном номере с американскими офицерами. Однако с учетом ограниченного числа гостиничных мест в городе, который неожиданно получил статус столицы Свободной Франции и где разместился генштаб вооруженных сил союзников, действовавших в западной части средиземноморского региона, этот факт легко поддается объяснению.

В докладах, в которых упоминаются делегаты, говорится лишь о необходимости установить за ними наблюдение. Но и в этом нет ничего удивительного. Такое наблюдение со стороны находящегося в состоянии войны государства является вполне законным: в силу своих функций делегаты много перемещаются внутри и за пределами страны, имеют доступ в лагерь, где содержатся захваченные в плен солдаты и офицеры противника, с которыми им разрешают прово-

¹ «Данные о том, что немецкий военнопленный является доверенным лицом в лагере для военнопленных, вряд ли могли быть полезными Красному Кресту и, напротив, — определенно представляли ценность для немецкой армии».

дить беседы без свидетелей и с которыми они, возможно, разговаривают на их языке; кроме того, делегаты поддерживают контакты с военными властями, встречаются по просьбе заинтересованных сторон с представителями противника в районах временного прекращения военных действий или на территории нейтральных государств и т. д.

Как бы там ни было, мы не располагаем сведениями, позволяющими предположить, что верховные органы власти в Соединенных Штатах придали этим докладам то значение, какое пытаются придать им сегодня некоторые печатные органы. Ни американское, ни французское правительства не утратили доверия к МККК и ни разу не обратились к нему с требованием отозвать своих делегатов.

III. Заключение

Среди 49 лиц, чьи имена упоминаются в недавно опубликованных американских документах и 21 из которых названы представителями «Международного Красного Креста», только 18 работали в МККК постоянно или временно.

Из этих 18 человек трое, насколько мы можем судить об этом в настоящий момент, совершили наказуемые поступки.

Один из делегатов оказался замешанным в деле, в котором, по всей вероятности, он преследовал корыстные интересы. Узнав об этом, МККК немедленно уволил упомянутого сотрудника. Однако попытки организации выяснить обстоятельства дела успехом не увенчались.

В двух других случаях речь идет о шпионаже. Следует тем не менее отметить, что лица, которым предъявляются обвинения, занимались этой деятельностью, о чем МККК, разумеется, ничего не знал, до поступления на работу в учреждение или после увольнения и, работая в организации, были всего лишь мелкими служащими.

Обвинения, выдвигаемые против других делегатов МККК, основываются на слухах. Кроме того, квалифицируя в качестве шпионской деятельность, которая полностью отвечала обычным требованиям и осуществлялась открыто, с согласия союзников или по их просьбе, авторы упомянутых документов лишь подтверждают свою неосведомленность в отношении роли и мандата МККК.

Наконец, нельзя не напомнить о том, что во время Второй мировой войны в рядах МККК насчитывалось более 3 тысяч сотрудников в Швейцарии, занятых главным образом в Центральном агентстве по делам военнопленных и в Отделе по оказанию помощи, около 180 делегатов, работавших в 92 делегациях и отделениях МККК в 61 стране, а также несколько тысяч сотрудников, нанятых на работу на местах. На 30 июня 1947 г. в Центральном агентстве по делам военнопленных содержалось около 36 миллионов карточек. К этому же времени МККК получил свыше 56 миллионов обращений — в основном с запросами о представлении сведений о военнопленных и без вести пропавших — и отправил более 61 миллиона ответов на эти обращения. Делегаты МККК осуществили более 11 170 посещений лагерей для военнопленных и интернированных

гражданских лиц и обеспечили доставку и распределение 470 тысяч тонн гуманитарной помощи, предназначенной для военнопленных и интернированных гражданских лиц, главным образом, в Германии, что соответствует приблизительно 9 миллионам посылок весом по 5 кг. Смешанная комиссия по оказанию помощи доставила и распределила среди пострадавшего населения около 165 тысяч тонн продуктов питания, лекарств и других грузов помощи; в одной только Греции было распределено свыше 750 тысяч тонн продовольствия и различных предметов и материалов первой необходимости.

Женева, 28 февраля 1997 г.

Приложения:

1. Письмо турецкой дипломатической миссии в Берне от 12 марта 1945 г., адресованное МККК.
2. Письмо старшего секретаря, заведующего Центральным хранилищем архивов военной юстиции в городе Ле Блан (Франция) от 7 ноября 1996 г.
3. Письмо Французского комитета национального освобождения от 24 декабря 1943 г.
4. Письмо французского правительства от 25 ноября 1944 г.

C. C.
Bern 100-54-309.

Copie conforme
ARCHIVES DU CICR
CL 11.03.05

Berne, le 12 mars 1945.

Messieurs,

*Réponse 2/3/45
J. J. J. J.*

Me référant à ma lettre du 7 mars 1945, j'ai l'honneur de porter à votre connaissance que, d'après les renseignements complémentaires que nous venons de recevoir du Ministère des Affaires Étrangères à Ankara, Monsieur Giuseppe Beretta, ancien délégué-adjoint de la Croix-Rouge en Turquie, ainsi que quelques autres personnes, de nationalité turque et étrangère, sont soupçonnées d'avoir agi contre les prescriptions de la loi sur la protection de la monnaie turque et aussi d'avoir importé certaines marchandises sans les déclarer à la douane.

Comme il a été spécifié dans ma lettre susmentionnée, une enquête judiciaire est en cours et des mesures ont été prises en vue de suspendre toute campagne de presse visant l'activité de la Croix-Rouge en Turquie.

Veillez agréer, Messieurs, les assurances de ma considération distinguée.

Le Conseiller de la Légation
de Turquie:

1350 x 14 MAR 1945

Secrétariat Général du Comité International
de la Croix-Rouge,
G E N E V E.

DM9D
REPUBLIQUE FRANCAISE

MINISTÈRE DE LA DÉFENSE

DÉPÔT CENTRAL D'ARCHIVES DE LA JUSTICE MILITAIRE

Oly
141(47)

Boite Postale : 214
36300 LE BLANC
Téléphone : 02 54.37.48.55
Télécopie : 02 54.28.55.70

LE BLANC 7.06.96
N° /DCAJM/
D.2144/10012

13.NOV1996*005580
ARCH
A TANTER POUR INFO
SUITE
DONNÉE

L'Officier greffier principal,
Chef du Dépôt central d'archives
de la justice militaire

à

Monsieur Jean-François PITTELOUD
Comité international de la croix-rouge
19, avenue de la Paix
CH. 1202 GENEVE

Monsieur,

En réponse à votre lettre en date du 9 octobre 1996, qui m'a été transmise par le Service historique de l'armée de terre, j'ai l'honneur de vous faire connaître que mon service détient le dossier de la procédure suivie à l'encontre de PAGAN Jean, Roger devant le Tribunal militaire permanent d'ALGER.

Toutefois, j'ai le regret de vous faire connaître qu'il ne m'est pas possible de donner une suite favorable à votre requête

En effet, s'agissant d'archives judiciaires de la défense, la loi actuellement en vigueur n'autorise pas leur libre consultation avant un délai de cent ans à compter du dernier acte de la procédure.

En outre, d'une part, Monsieur PAGAN n'appartenait plus au Comité international de la croix-rouge lors de la commission des faits qui lui sont reprochés ; d'autre part, il résulte de l'étude du dossier qu'aucun membre du Comité international de la croix-rouge n'a été incriminé par Monsieur PAGAN. Quant à Monsieur GRAZ, il n'a fait l'objet d'aucune poursuite judiciaire.

Je vous prie d'agréer, Monsieur, l'expression de mes salutations distinguées.

13.NOV1996*005580

DI MATIGNON

COMITE FRANCAIS DE LA
LIBERATION NATIONALE

Commissariat aux Affaires
Etrangères

No 12313/194

COPIE

REPUBLIQUE FRANCAISE

Alger le 24 décembre 1943

Monsieur le Délégué,

J'ai l'honneur d'accuser réception de votre lettre No 230 JP.P/MD concernant l'utilisation du "CANADA" comme paquebot hôpital.

Me référant à la Convention de la Haye du 18 octobre 1907 dont les articles II et III stipulent que notification du nom des navires-hopitaux doit être faite à la Puissance adverse avant toute mise en usage, je vous serais reconnaissant de prier le Comité International de la Croix Rouge à Genève de faire cette communication au Gouvernement du Reich et au Commandement Italien. L'entremise du Comité de Genève paraît en effet la voie la plus indiquée pour faire cette communication.

Je vous indique ci-dessous les caractéristiques du " CANADA".

Tonnage	Jauge brute:	9.700 tonnes
	Jauge nette:	5.700 tonnes
Déplacement en pleine charge		12.850 tonnes
Longueur		149 mètres 05
Largeur		17 mètres 20
Tirants d'eau AV	pleine charge	7 mètres 80 lège 5 m.
AR	"	7 mètres 80
2 cheminées		
Hauteur de mâture		41 mètres 30
Vitesse maximum de route		15 noeuds
Vitesse moyenne de route		13 noeuds.

J'ajoute que ce navire hôpital sera utilisé sur tous les théâtres d'opérations où seront engagées des troupes françaises.

veuillez etc....

signature

Copie conforme
ARCHIVES DU CICR
Archives DTCM

AL/30

Ministère
des
Affaires Étrangères

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

UNIONS

Paris, le 25 NOV 1944

27 NOV 1944

Copie conforme
ARCHIVES DU CICR

Transmis par *CR 97*
Délégation C. I. C. R. Paris

Monsieur le Délégué,

Me référant à la correspondance que mon Département a eue antérieurement avec M. Praderwand, j'ai l'honneur de recourir à la bienveillante intervention du Comité international de la Croix-Rouge pour adresser au Gouvernement allemand et aux autorités belligérantes italiennes, conformément aux articles II et III de la Convention de La Haye du 18 Octobre 1907, la prochaine mise en service comme navire hôpital du bateau " CANADA " de la Compagnie Fabre .

La libération du territoire français métropolitain et l'insatallation à Paris du Gouvernement Provisoire de la République me paraissent aujourd'hui de nature à faciliter cette démarche . Au surplus, étant donné que le Comité international de la Croix-rouge joue en France le rôle de protecteur des intérêts allemands, il est naturel, que par réciprocité, le Gouvernement allemand accueille toute action analogue pour la protection des intérêts français, surtout lorsque cette action se fonde sur une disposition formelle d'une Convention fixant les rapports entre belligérants .

Je crois devoir rappeler ci-dessous les caractéristiques du bâtiment :

Tonnage : jauge brute 9.700 tonnes
 jauge nette 5.700 tonnes
Déplacement en pleine charge 12.850 tonnes
Longueur : 149 m 65
Largeur : 17 m 20
Tirant d'eau : AV . pleine charge 7m.80 lège 5m.
 AR : pleine charge 7m80 lège 5m

2 cheminées
Hauteur mâture 41 m 30

Monsieur le Docteur de MORSIER
Délégué du Comité International de la Croix-rouge
Légation de Suisse
142 rue de Grenelle - PARIS -

Vitesse maximum de route : 15 noeuds
Vitesse moyenne de route : 13 noeuds 2

Le "Canada " sera utilisé au bénéfice de la première armée française pour le transport des blessés et malades évacués des ports méditerranéens sur l'Afrique du NORD.

Je vous prie, Monsieur le Délégué, de bien vouloir remercier le Comité international de la Croix-rouge pour son obligeante entremise et d'agréer l'assurance de ma considération la plus distinguée ./.

Y. de Morcier